

Юринов Владимир Юрьевич

кандидат философских наук, доцент
кафедры социальной философии
Казанского (Приволжского)
федерального университета

Каримов Артур Равилевич

доктор философских наук, заведующий
кафедрой социальной философии
Казанского (Приволжского)
федерального университета

ПРИНЦИП ШЕСТЕРИЦЫ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ И ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль принципа шестерницы (числа «шесть») в ведическом корпусе древнеиндийской философии и в философии Древнего Китая. Показывается, что число, счет, нумерологизм в культуре Древней Индии и Древнего Китая играли немаловажную, метафизическую роль. Обосновывается, почему в древнеиндийской философии могло быть ровно шесть даршан: они исчерпывали собой корпус ведической философии (астика). Остальные школы древнеиндийской философии, таким образом, не могли претендовать на статус даршан. Особое значение шестерницы для китайской философии также связано с наличием шести школ и с символикой «инь». Поскольку для древнекитайской культуры важной является связка «инь» – «ян», то особое значение приобретает также и число «девять» (символ «ян»). Предположено, что вместе числа «девять» и «шесть» в китайской культуре обозначают «число Мудреца».

Ключевые слова:

древнеиндийская философия, число, нумерологизм, шестерница, Веды, даршана, веданта, древнекитайская философия.

Yurinov Vladimir Yurievich

PhD, Associate Professor,
Social Philosophy Department,
Kazan Federal University

Karimov Artur Ravilevich

D. Phil, Head,
Social Philosophy Department,
Kazan Federal University

PRINCIPLE OF NUMBER SIX IN ANCIENT INDIAN AND CHINESE PHILOSOPHY

Summary:

The paper discusses the role of the principle of the number six in the Vedic corps of ancient Indian philosophy and in the philosophy of ancient China. It is shown that number, counting, numerology in the culture of Ancient India and Ancient China played an important, metaphysical role. It justifies why in ancient Indian philosophy there could be exactly six darshanas, since they exhausted the body of Vedic philosophy (astics). The rest of the schools of ancient Indian philosophy, therefore, could not claim the status of darshan. The special significance of the number six for Chinese philosophy is also associated with the presence of six schools and with the Yin symbolism. Since the link «yin» – «yang» is important for the ancient Chinese culture, the number «nine» (the symbol «yang») also acquires special significance for the ancient Chinese culture. It is assumed that together the numbers «nine» and «six» in Chinese culture mean «the number of the Sage».

Keywords:

ancient Indian philosophy, number, numerology, number six, Vedas, darshana, Vedanta, ancient Chinese philosophy.

Нумерологизму и роли числа в древневосточной философской и культурной традиции посвящен целый ряд работ [1]. В данной статье проводится анализ роли принципа шестерницы на примере традиций древнеиндийской и древнекитайской философии.

Вопрос на первый взгляд простой: школы индийской философии – даршан*, как известно, шесть: ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса и веданта. Но ведь прошло две с лишним тысячи лет, неужели не могла появиться ни одна новая школа? Почему, появлялись. По крайней мере, под названиями: локаята/чарвака, джайнизм и всем известный буддизм. Только им было отведено определенное место – настика. «На» – не – «отрицатели» (термин Е.А. Торчинова): не принимающие священность Вед, ведийские ритуалы, бессмертие души и строгость варнового деления [2, с. 235]. Как пишут авторы «Древнеиндийской философии»: «В современных индийских языках слова “астика” (“astika”) и “настика” (“nastika”) обозначают соответственно “теист” и “атеист”. Однако в философской литературе, написанной на санскрите, словом “астика” обозначали тех, “кто верит в авторитет Вед”, или тех, “кто верит в жизнь после смерти”. (“Настика” соответственно означает противоположное.) ... Во втором смысле даже такие неортодоксальные школы, как буддийская и джайнская, будут относиться к астике, поскольку их представители верят в жизнь после смерти. Шесть ортодоксальных школ относятся к астике, а школа чарвака – к настике

* Термин «даршана» происходит от глагола «дрш» – видение. Характерно, как это откликается на платоновский «эйдос» – «видение, образ». Но еще занятнее, что еврейские мидрашы, комментарии к Библии, также происходят от глагола «дрш» (дрх) – «разглаживать».

в обоих смыслах этого слова» [3, с. 13]. Но все же даршан именно шесть, а не больше. Например, более поздний буддизм неправомерно называть даршаной.

Можно, конечно, сослаться на традиционализм и даже консерватизм Древней Индии, где прогресс и откровенная реформация не поощрялись. Напротив, ретроспективность: не прошлое, а древность – определяла культурную традицию. Были и расколы, и внутри отдельной даршаны появлялись два и более направления, осуществлялись органические слияния. В «эпоху индуизма» (XI–XII вв. и далее) большинство, активно провзаимодействовав, сильно изменились, а некоторые перестали играть свою прежнюю роль и даже ушли с философской арены (в частности, ньяя, миманса, вайшешика). Фактически выиграла одна школа – веданта, вобрав в себя даже многие положения «буддизма». Буддизм, ставший мировой религией, представляет собой множество школ, направлений и практик. Но почему даршан шесть, и в каждом учебнике их не больше и не меньше? Вспомним о нумерологизме – одной из важных архетипических черт традиционализма. Допустим, в ней дело, но почему не пять, не четыре и не три?

Существует замечательное исследование Д.Б. Зильбермана, который эту шестерицу распространил вообще на все философское мышление, вплоть до западной философии, доказывая шестеричность модальностей как предельную возможность (полноту) любой философской рефлексии [4]. Как справедливо отмечает в предисловии Е. Гурко, Б.Д. Зильберман через Веды обнаружил тот не всегда очевидный факт, «что в процессах социального взаимодействия люди никогда не имеют дело с натуральностью любого рода, что дистанция между ними и природой уже заполнена результатами деятельности, регулирующими и генерирующими их последовательную активность» [5, с. 24]. Зильбермана не смущало, что подобный взгляд мог определяться как «идеализм», «субъективизм» или «вульгарный социологизм». Важно, что в нашем случае таким универсальным опосредствующим звеном между людьми и природой оказались, точнее, выросли и прочно установились Веды.

И все же: почему даршан традиционно шесть? Предложим число «шесть» рассмотреть не как количество (число), а как качество-порядок: разряд, местоположение даршан в ведической традиции. И так они – астика – идут за Ведами, признавая сознательно свое человеческое происхождение. Поэтому у каждой даршаны должен быть легендарный первооснователь (допустим, Капила) и первоисточник (сутры или карика), пусть даже утерянный.

Почему эти обстоятельства так важны? Потому, что Веды не имеют автора и носят всевечный характер, хотя и дошедшие в Кали-югу в виде четырех Вед, где последняя – «Атхарваведа» – многими ариями признается «нечистой». В начале Кали-юги, последней из четырех юг, перед Пралайей – уничтожением мира, Вьясой (называются и иные имена), единая Веда была разделена на три части (трайя видья), а Вьяса – это и есть буквально «разделитель». Ведический корпус, как известно, состоит из «текстов» четыре на четыре (табл. 1).

Таблица 1 – Деление ведического корпуса

Риг-веда	Сама-веда	Яджур-веда	Атхарва-веда
Брахмана	Брахмана	Брахмана	Брахмана
Араньяки			
Упанишады			

Итак, у нас есть число «четыре».

Даршан – шесть (шаддаршан): ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса (уттара-миманса), веданта. Н.А. Канаева, начинает, например, не с ньяи, а с вайшешики. Для нее это не минус, а лишь дополнительный аргумент в пользу нашей трактовки. С какой части ни начинать, придешь к целому [6].

Если мы число «шесть» будем использовать не как внешне безразличное, случайное, а внутреннее, существенное (по Гегелю), мы сможем получить не безмерное количество, но шесть как качественный некий разряд, местоположение в некоем более высоком порядке. Этим порядком, корпусом, конечно, оказывается ведическая литература. Потому «шаддаршан» называют в Индии «астика», в отличие от настики – «на» – «нет»: это локаята/чарвака, джайнизм и всем известный буддизм.

Итак, у нас есть четыре Веды (четыре на четыре – ведический корпус) и число «шесть», которое уже не перечисляет количество школ, а занимает определенный необходимый и внутренний порядок в ведийской литературе. Стало быть, нам нужно число «пять».

Такой «пятеркой», на наш взгляд, является в индийской традиции *смрити* («запоминаемое», «записанное»). Это: Ману-смрити, Махабхарата, Рамаяна, итихасы (примечательно, что последние переводятся приблизительно – «ведь это же (так) было») и др. Стихийно, народной традицией многие эти «тексты» именовались в качестве «пятой (своей!) веды». И таких «пяток» было достаточно, можно указать на Бхагавад-Гиту – знаменитый фрагмент из Махабхараты.

Тот же Вьяса, внимательнее разобравшись в сути дела, разделил этот гигантский корпус «текстов» на три раздела: I. от Вед до упанишад – *шрути** – шастры; II. смрити-шастры; III. – *ньяя*-шастра – будущая шестерица, корпус шаддаршан. Ньяя – первая школа даршан, т. е. логика.

Но на этом исторический виток даршан не заканчивается. Чуть ли не всех позднее появляется даршана под названием «веданта». Интересно, что это наименование заимствовано. Так назывались (и называются) упанишады: веданта – «конец вед». Шестая школа хотела подчеркнуть этим, что занимается метафизическими вопросами, ставящимися в упанишадах (Атман есть Брахман и т. п.), но также недвусмысленно заявляла о том, что она последняя, замыкающая даршана.

А куда же нам поместить настику – еретические школы Индии? Думается, мы не покривим душой, если расположим их историю на пространстве смрити – на санскрите «ведь так же было» (итихасы).

Число, счет, нумерологизм в без-письменной культуре играют немаловажную, метафизическую роль. А письменность стала утверждаться в Древней Индии не ранее III–II вв. до н. э. Нельзя не вспомнить, что счет – одно из оснований логики и мышления («санкхья» переводится как «считать»). Но в древних культурных традициях прибавляется еще высокая степень символизма.

Об этом символизме хорошо пишет С.В. Семенов: «Описания здесь нет, нет также никакого “объяснения” либо “аллегорического истолкования”; перед нами скорее чисто психологические приемы привлечения внимания к определенному ряду соответствий. Требуется только одно – чтобы мы, видя глаз коня, вспоминали о солнце (и т. д.). Какими приемами устанавливается соответствие – это вопрос, так сказать, педагогический и никакого влияния на конечный результат не имеет. Если бросается в глаза аналогия формы – прекрасно; семантическая смежность понятий – тоже хорошо; сходство функций – и это годится; подобие начальных слогов соответствующих слов, какая-нибудь “этимология (надо ли говорить, что она, как правило, не имеет ничего общего с научной?) – и это превосходно» [7, с. 76].

Здесь господствует логика не линейного, не рассудочного характера. Опишем, например, как могут быть связаны слова «упанишад» и «шаддаршан». Вопрос: для чего это нужно адепту того или иного направления? Астика, как мы знаем, идет вслед за Ведами, следовательно, очень легко: упанишад – «сидение у ног» превратить (или «услышать») как «шад», что и означает число «шесть». Соответственно, даршанами можно называть только шесть названных астических школ, а не всякую точку зрения или видения. Virtuозность мнемоники, глоссологии, нумерологизма достигала тогда высочайшей, может быть, и схоластической, но безусловной высоты.

С философской традиции Древнего Китая все выглядит несколько сложнее.

По китайской историографии, еще на пространстве от VI–V вв. до наших времен развернулась «борьба ста школ». Но историк, пусть и самый кропотливый, не смог бы найти этих ста школ. Самое большее, чего добились современные синологи, – это обнаружить 9 или максимум 14 школ. Откуда же взялось это числительное «сто»? А это выражение предела, полноты, если не чрезвычайности, т. е. – «все»: «бай» – варвары, «бай» – чиновники, «бай» – провинции, «бай» – аристократия и т. п. Если мы двинемся дальше, то узнаем, что борьба ста речений была прекращена при Цинь Ши Хуане и официально была подтверждена сжиганием древних книг и заживо закопанными 406 конфуцианцами – знаменитый 312 г. до н. э.

Впервые «шесть школ», их число и наименование появляются в летописях династии Хань известного историографа Сыма Цяня. Там они повторяются совокупно три раза и в несколько разном порядке. Перечислим их: это школа интеллектуалов-чиновников (конфуцианцы); школа учителя Мо; школа имен (номиналисты, эристы); даосы; законники, или легисты; и «школа темного и светлого» – натурфилософы, эклектики. Как показали серьезные исследования, до эпохи Хань существовало в лучшем случае два синкретичных направления под архаичными названиями «жу-мо»** (прототипы конфуцианцев и моистов) и «хуан-лао» (даосов). О других школах, выходящих за рамки перечисленных шести, мы в этой статье говорить не будем. Их срок оказался недолговечен, как, впрочем, и двух из перечисленных: школы Мо и легистов.

Думаем, что важным признаком числа шести школ выступает появление этого корпуса после разгрома «ста речений», спора всех против всех, т. е. мы хотим этим сказать, что в числе «шесть» есть что-то умиротворяющее, говоря проще, «уступка», т. е. опять, как в Индии, «место в ряду», иерархии.

Здесь совершенно не лишним будет вспомнить, какие значения-символы имеет число «шесть». Они происходят от символа «инь»: черное, вода, мягкое, женщина и др. И, безусловно связаны / противостоят / переходят в символ «ян»: твердое, белое, мужчина, высокое и т. п. Что же мы тогда получаем? Философы, несмотря на свое учительство и советничество, никогда не должны были и не могли посягать на ранг выше «символа» Императора, Вана, аристократии,

* Шрути – услышанное, священный звук, но идущий не от богов.

** «Двоица» пришла в философию из семьи: «старшие младшие», как и само слово «цзя», имеет одно из значений «семья».

говоря проще, государства, власти. Цифрой «шесть» был заключен молчаливый договор между государем и философом. По аналогии отношений: государь – народ; муж – жена; отец – сын; старшие – младшие; хозяин – слуга.

У Сыма Цяня имеется одна деталь, на которой стоило бы остановиться. У него ни к одной из школ не приписываются Кун-цзы и Лао-цзы непосредственно, они как бы стоят за пределами этого шестеричного деления, хотя чжуцзы идут за первым, а даодэцзя – за вторым. Как сказал Чжуан-цзы: «Мудрость вана и мудреца – померкла».

В летописях зафиксирован и рост Кун-цзы, и это важно для нашей темы. «Конфуций был девяти чи и шести цуней ростом, поэтому все дивились и звали его “великаном”» [8, с. 418]. О нумерологической методологии китайской философии писал еще А.И. Кобзев [9]. Среди многих интересных и, прямо скажем, интригующих современника фактов А.И. Кобзев также отмечает рост Кун-цзы – 9 и 6, его даже среди односельчан звали верзилкой [10]. Если пойти по пути вычисления этого роста в реальных сегодняшних мерах длины, он окажется внушительным, если не невероятным: 2,9 или 3,2 метра. Ну, а если убрать эту рассудочную логику и пойти по «китайскому», архаическому пути, то получается, что «девять» (ян) / «шесть» (инь) – не может ли обозначать символ Мудреца, «Некоронованного короля», как его называли в народе, или позже – «Учителя нации». Приведем еще косвенные аргументы. Кун-цзы умер на 72-м году, и у него было 72 знаменитых ученика – скрытая «девятка».

Такая же ситуация наблюдается и в легендарной биографии другого китайского мудреца. Лао-цзы 81 месяц находился в утробе матери; на 81-м году ушел на Запад; Дао-дэ-цзин состоит из 81 чжана. Нетрудно догадаться, что 81 – это удвоенная девятка, «удвоенный ян». В этом выражено не только неприятие всего государственного, культурного и социального. Здесь недвусмысленно утверждается первенство Лао-цзы перед Кун-цзы. На это сам Кун-цзы не возражал, называя после легендарной встречи с Лао Данем его драконом.

В завершение скажем следующее. У Гунсунь лина есть фраза, напоминающая точь-в-точь апорию Зенона: «Если от палки в вершок отрезать каждый день половину, не управишься и в десять тысяч поколений». Сходство удивительное! Но нас здесь опять же интересует «девятка». Думается, что здесь была схвачена не только логическая противоречивость, но и реакция на эпоху «борьбы царств», т. е. если Поднебесную (Китай) дробить на части, ничего хорошего из этого не выйдет, да это и невозможно, ибо ян («девятка») тверд и неделим. Даже в верхке есть неделимая «девятка» Поднебесной (Китая). Современники адептов «школы имен», думается, хорошо чувствовали политическую и государственную подоплеку этого, казалось бы, «схоластического» высказывания.

Из философской рефлексии никогда не исчезали числовые зависимости. Для древних культур числовая символика имеет особое значение. Возьмем хотя бы пифагорейство у древних греков. Понимать мир для пифагорейца, так же как и для человека культуры Древнего Востока, – значит схватить его в числе. Поэтому неудивительно, что подобные числовые закономерности мы находим повсюду в древней культуре. В статье мы показали, что для древнеиндийской и древнекитайской мысли особое значение имеет число «шесть» (шестерица) – шесть даршан, шестерка как символ «инь» и т. д. Это связано с религиозными и нумерологическими представлениями о мире в этих культурах, для которых в каждом числе «зашифрован» некий символ. Дальнейшее развитие данной темы связано с возможными сопоставлениями числовой символики древневосточных и европейских культур.

Ссылки:

1. Денисов Д.В. Числовые модели мироздания: приближение к санкхье : монография. Самара, 2013. 160 с. ; Еремеев В.Е. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады монография. М., 2013. 582 с. ; Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993. 432 с.
2. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2007. 480 с.
3. Чаттерджи С., Датта Д. Древнеиндийская философия / пер. с англ. М., 1954. 408 с.
4. Зильберман Д.Б. Генезис значения в истории индуизма. М., 1998. 448 с.
5. Там же. С. 24.
6. Канаева Н.А. Индийская философия древности и средневековья. М., 2008. 255 с.
7. Семенцов С.В. Проблемы интерпретации брахманической прозы (ритуальный символизм). М., 1981. 180 с.
8. Сыма Цянь. Старинный дом Конфуция // Конфуций. Изречения. М., Харьков, 2000. 448 с.
9. Кобзев А.И. Нумерологическая методология классической китайской философии : материалы XIV научной конференции «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1983, с. 33–50.
10. Кобзев А.И. Рождение китайской философии как «детского» учения о попрании жизнью смерти // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004. 319 с.

Редактор: Фетисова Ирина Викторовна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна